

Лирика

Юрий Абазов

Я поздно встал.
Был за полночь. Со сна
Я соскочил измученный виденьем:
Как будто стонет на горе сосна,
Качаясь от ветров
и наваждений,

Крепчал мороз
и в воздухе трещал
Раскатом долгим бор внизу,
в долине,
Где льдом укрыт был озера овал
На фоне очертаний
острых линий

Вершин в дали,
пронзивших свод небес,
Обрушивших на мир
немую тяжесть
Несметных звёзд
и тяготенья бездн,
В которых зов был голосов
протяжных,

Поющих мне о множестве миров,
Невидимых и, видимо,
прекрасных,
А я никак не выскочу из слов,
Меня держащих
нитью инфракрасной

И инфразвуком неземных глубин –
До слуха доходил
частотный импульс...
И понял, что остался я один,
И стынет на губах
желаний иску...

Цепляешься за каждый стебелёк
Всем напряженьем пальцев,
ртом, глазами
За дом, который от тебя далёк,
За звёзды,
что плывут над облаками,

За мысль о детях,
что теперь вдали,
За взгляд,
возможно и последний, женщин,
За необъятность
всех красот земли,
За мелочи и хлопоты поменьше,

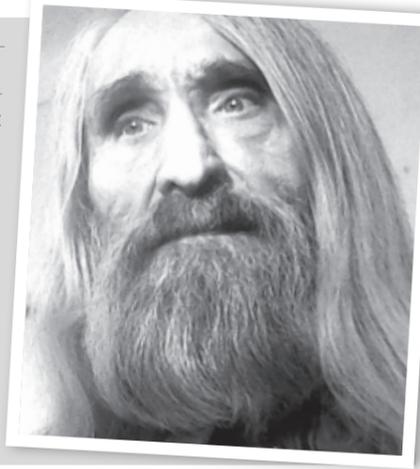
За большее, чем всё твоё теперь
В тебе бурлит
и в страхе замирает,
За запертую перед жизнью дверь –
За просто так её не отпирают! –

«Всё лучшее в своём виденье мира...»

Справка «ММ»

Юрий Абазов родился 8 мая 1954 года в Кемерово. В раннем детстве с семьёй переехал в Магнитогорск. После окончания школы № 55 поступил в Магнитогорский педагогический институт. Работал машинистом сцены в театре «Буратино», на предприятиях – ММЗ, МКЗ и ММК.

Пробовать писать начал с десяти лет. Многие годы был членом городских литобъединений под руководством Нины Кондратовской, Владилена Машковцева, Александра Павлова. Стихи, рассказы, поэтические обзоры и критические заметки Юрия Абазова печатались в городских газетах «Педагог», «Магнитогорский металл», «Русский дом», «Магнитогорский рабочий», в коллективных сборниках авторов Челябинской области.

Ты прыгнул в ужас пустоты –
Ты падал... А душа – летала!

Отточья в начале
опять намекают на опыт,
Который не нужен
и превращается в копоть –
Мосты сожжены...
И нету возврата к деталям,
Меня уносящим
за иллюзорные дали.

Избыток деталей,
подробностей жизни, мешает,
Но дьявол, в насмешку,
нюансами их украшает:
Глагольная рифма
давно не в чести,
ибо точно –
За нею всегда
караулят меня многоточья...

За ними – молчанье.
И десть остаётся бумаги
Не тронута мыслью...
Откуда же взяться отваге
Глаголу вершить
реальные действия в пустыне,
Где ночь холодна?
А чувства безременно стыннут.

Есть между бытом
и большим поэтом
Неразрешимый, в сущности,
конфликт,
Чью сущность трудно осознать
при этом,
Где смотришь на себя
как на реликт.

В нём глубина
немного подсознания,
Владея тёмной стороной души,
Вопит о цели тайны мироздания
И выплеснуться яростно
спешит.

И здесь его подстерегает слово,
Чтоб воплотиться
в таинствах сердец,
Несущих миру призрак
жизни новой,
Ища противоречию конец.

А руки сводит судорогой лет
В тебе всё тяжелей –
и рвутся жилы,
И сил последних удержаться нет
За край обрыва,
где надежды живы.

Ты только вниз в испуге не гляди,
Над пропастью вися и понимая,
Что сердце надрывается в груди
За тщетное цепляние у края...

Закрадывалась мысль,
что ты изжил
Всё лучшее в своём виденье мира,
И бытие течёт, как кровь,
из жил...
Смотри в зенит
из своего надира!

Ледоход на Ангаре

В распадах слышен Ангары
Трещавший громом звук,
То знак начавшейся игры,
Всех разбудивший вдруг,
Как будто началась пальба,
И грохот нарастал,
В посёлке громче лай собак –
Торосов шёл навал:

Как ледокол посреде реки,
Проламывая лёд,
Вздымал обломки на куски,

И двигал их вперёд,
Шуга шуршала в поляньях,
В промоинах крутясь,
Зашевелились во дворах
Селяне, веселясь...

На берег вышла пацанва
На ледоход глядеть,
И айсберги на острова
Вползали по воде –
О, этот зрелищный восторг,
Переполах сердец,
Стоуто из себя исторг:
«Зиме конец!»

Вербное воскресенье

Я к зарослям тала спускался
к реке,
Ступая по кромке
подталого льда,
И нож на рассвете
сверкает в руке –
Мне надо тянуться туда,
где вода,

В которой пушистые ветки
торчат,
К себе призывая
на жертвенность дня:
«Осанна! Осанна!» –
в народе кричат,
«Даруй нам спасенье!» –
дошло до меня –

Рассказ-притча

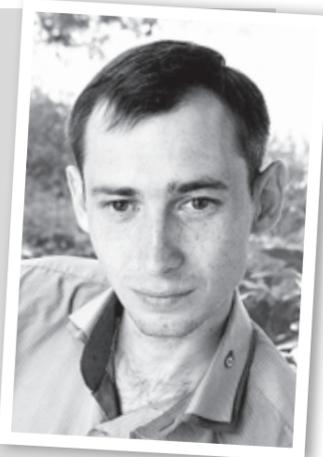
Владимир Бартков

Пусть будет храм!

Справка «ММ»

Владимир Бартков родился 12 мая 1988 года в селе Павловка Брединского района Челябинской области.

После окончания школы переезжает в Магнитогорск. В 2007 году становится победителем областного молодёжного литературного конкурса «Пора любви и грусти нежной». В следующем году – лауреат конкурса «Проба пера», проводимого газетой «Магнитогорский металл». Стихи и рассказы Владимира Барткова печатаются в городских газетах и альманахах. Автор двух книг стихов – «На свете нет чужих костров» (16+) и «Календарь» (16+).

Цвёл май. Река, отгремевшая половодьем, теперь текла спокойно, ровно и величественно...

Стенька Смольников вышел на крыльцо и замер, окинув прощальным взглядом сад. Окутанные цветом и утренним солнцем деревья наклонили свои буйные головы, зашептали слова невнятные и стихли, словно гордые изваяния великого мастера.

Хорошо! Привольно! Дыши всей грудью, раскрепости душу, и пусть всё катится к чертям! Да что-то не по себе Стеньке. Сердце его будто

старалось стряхнуть тяжесть, а свист соловья рвал и тряс нутро пронзительным ярким пением. Вот уж месяц, как похоронил паренёк мать. Месяц! А кажется, что только вчера шла Любовь Максимовна (так звали усопшую) к ближайшей колонке за водой.

...А лет-то Стеньке двадцать с хвостиком, а жизненного опыта ни на грош.

После смерти матери Стенька обрюзг и осел. Сердце, надорванное бедой, сжалось. Дотеле весёлый и доброжелательный паренёк вдруг превратился в ворчливого старика, стал нелюдимым. Хотел повеситься,

но из петли соседи вынули, а он им даже спасибо не сказал. Отдышался, сплонул подступившую к горлу кровь, встал и вышел прочь из комнаты, оставив своих спасителей в жутком молчании стен.

Село неделю гудело сплетнями. Говорили, будто с ума сошел Стенька, что была предсмертная записка, в которой он якобы проклинал весь белый свет, и даже плакал, когда чудом остался жить. Ничего этого не было и не могло быть, но слухи росли и полнились, превращая мученика в иуду, а праведника в злодея. Особенно долго жил слух о мнимом проклятии Степана. Старики во всех хозяйственных, житейских невзгодах стали винить юношу, а дети дали ему прозвище Стёпка Кощей и дразнили, когда он шёл по улице.

«Нет, – думал Кощей. – Уходить надо, задолбят, заклюют».

И вот, попрощавшись с садом, Степан медленно зашагал по ступеням крыльца. Остановился, глянул на всё ещё раз, поправил на плече ружьё, подаренное дядькой года три назад, вздохнул и пошёл. Куда идти – бог знает. Пьяному – сто дорог, безродному – тысяча.

...А лет-то Стеньке двадцать с хвостиком, а жизненного опыта ни на грош!

Хрустит под ногами щёбёнка, дует в лицо тёплый ветер, кружат по небу вороны. Час ходьбы – и село далеко позади, похожее на смятый лист бумаги, брошенный за ненужностью.

У странника нет начальства, ему не нужны часы, но это не показатель счастья и лишь признак отверженности. К вечеру он добрёл до леса. За весь день Стенька ни крошки не ел, силы окончательно его покинули. Степан, словно тенец, что прячется под крылом матери, вошёл в дремучий бор. Измученный скиталец сел на поваленное дерево. Поплыло всё вокруг, замутилось. И, как ни боролся с одолевающим сном усталый Степан, грёзы мягко и вкрадчиво завладели его душой... И снилась отверженному та, теперь уже бесконечно далёкая жизнь в селе: смех дразнящихся мальчишек, злобные взгляды старух. А ещё чудилось ему, будто строит он храм в долине реки с солнечными куполами...

Очнулся среди ночи. Вслушался – хорошо вокруг: лес, залитый лунным светом, был тих и свеж, как покинутый монастырь. «Чего же надо людям?» – стучало в его голове.

– Дай-ка я и впрямь заложу здесь храм, – сказал он вслух.

Мелькнуло: «Не хватит сил – пусть! Не на что – пусть! Жизни не хватит, продолжать будет некому – пусть!»

Стенька упорно строил, как мог, из чего мог.

У подножья великого дела был он сейчас; от предчувствия чего-то большого по спине скользил холодок, и озноб, постоянно усиливающийся, бил уставшее тело. Получалось подобие монашеской кельи: стены из комков глины, увенчанные сплетённым из упругих веток крестом.

Наступила осень, тихая, печальная, безропотная... Днём солнце грело и ласкало, а ночью сковывал коварный холод. Из далёких краёв потянулись волчи стаи, гонимые голодом, ближе к людям. Старый пёс с озябыми лапами и сморщенным носом подошёл к келье. В ней усердно молился человек. За несколько месяцев одиночества Степан потерял человеческий облик. Высохшее тело, одрябшая кожа на покрытых мозолями ладонях, воспалённые и разбухшие суставы – результат постоянного недоедания, недосыпания, физического труда и боли душевной. Казалось, даже волк чуть скулянул, увидев молящегося. Вожак увёл стаю прочь от этого места, ибо всему живому не чужды честь и совесть. А Стёпка ничего вокруг не замечал или не хотел замечать. Он то молился, то, совсем оголодав, жевал траву или засыпал. Однажды отшельник уснул, и осень, кудесница осень, заморозила его сердце...

...А лет-то Стеньке двадцать с хвостиком, а жизненного опыта ни на грош! Нынче на том самом месте, где раньше был Стёпкин «храм», стоит белостенная церковь, похожая на лебедя. А если взойдёшь на пригорок и глянешь вокруг – кажется, что пляшут девки под перебор балалайки. И поют, поют...

За зелёною за кручей
Пели девки про года:
– Будет молодость кипучей,
Будет старость – хоть куда.